

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

Вып. XXI

АФРИКА
ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

В. С. Ягья

ЛИДЖ ИЯСУ — ПРЕЕМНИК МЕНЕЛИКА II НА ЭФИОПСКОМ ТРОНЕ (1913—1916)

В 1974 г. в Эфиопии произошла антифеодалная революция, позднее переросшая в национально-демократическую. Революционная демократия, взявшая власть в стране, объявила о своей приверженности научному социализму, избрав социалистическую ориентацию в качестве пути развития Эфиопии. В стране сложилась новая морально-общественная атмосфера и социально-политическая обстановка. Содержание эфиопских исторических и политических книг, газет и журналов, издающихся с сентября 1974 г., резко изменилось в сравнении с предыдущими десятилетиями, когда единственным творцом истории страны в новейшее время признавался Хайле Селассие I (1916—1930 гг.— регент, 1930—1974 гг.— император).

В царствование Хайле Селассие пресса, политическая и историческая литература Эфиопии носили, по существу, придворный характер, так как отражали официальную концепцию развития страны, состоявшую в том, что вся деятельность монарха направлена на благо народа, что все связанное с его именем свято и не подлежит критике, что трон — основа независимого существования Эфиопии и что император — высший арбитр нации, ниспосланный богом и постоянно заботящийся о каждом жителе империи, создатель современной Эфиопии, развивающейся неуклонно под его руководством по пути прогресса, герой освободительной борьбы против фашистской Италии, инициатор всех государственных дел, а также крупный международный деятель, выступающий за мир, социальную справедливость и гуманизм.

В настоящее время ни один печатный орган страны не напишет о том, что все сделанное в Эфиопии за минувшие 50 с лишним лет было сделано Его Величеством, декретировано Его Величеством или осуществлено народом, живущим мыслями о Его Величестве, и не задастся вопросом: «Не будет ли правильнее сказать, что Его Величество — это вся Эфиопия?» [15, с. 3]. Теперь иные суждения, теперь гневно обличают низложенного монарха (Хайле Селассие свергнут 12 сентября 1974 г., умер 27 августа 1975 г.).

В изменившейся обстановке в стране происходит переоценка

политической истории Эфиопии XX в., пересматриваются сложившиеся представления о прошлом. Известный поворот в этом отношении произошел и в зарубежной литературе.

Большой интерес в свете недавно обнаруженных фактов представляют события первых двух десятилетий XX в., связанные с царствованием внука императора Менелика II — Лиджа Иясу (1913—1916)¹.

В настоящей статье предпринята попытка осветить некоторые вопросы, касающиеся трехлетнего правления Иясу (в ее основу положен доклад на тему «Лидж Иясу и его время», сделанный автором на Всесоюзном симпозиуме «Основные проблемы африканистики» в Ленинграде в мае 1978 г.).

В зарубежной и отечественной литературе существуют самые разноречивые оценки трех лет царствования Иясу. Наиболее распространенная точка зрения базируется на мнении официальной эфиопской историографии, признанной при императоре Хайле Селассие I. В годы регентства и царствования Хайле Селассие I правящим кругам страны нужно было обосновать законность свержения Иясу в 1916 г. и оправдать приход к власти регента раса Тафари Мэконнына (тронное имя — Хайле Селассие I), императрицы Заудиту (1916—1930) и их сторонников. Этим целям и призвана была служить официальная версия о том, что Иясу якобы разрушил единство эфиопского государства, вступил в «преступный» сговор с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, предал интересы христианской церкви, приняв мусульманство, и т. д. Этот официальный взгляд прочно утвердился в эфиопских исторических трудах, публиковавшихся до середины 70-х годов (см., например, [8, с. 107—109]). Западная историография, как правило, следовала этой официальной версии. И хотя в нее нередко вносились некоторые модификации, суть оставалась неизменной, тем более что буржуазным историкам важно было обелить деятельность Англии, Франции и Италии, направленную на утверждение влияния этих государств в Эфиопии и низложение Иясу, прилагавшего немало усилий, чтобы избавиться от англо-франко-итальянских колонизаторов (см., например, [25, с. 69]). Имеются, однако, в западной литературе и позитивные суждения о Лидже Иясу [22, с. 158—159; 17, с. 12]. Показательна также оценка, данная польскими учеными А. Бартицким и И. Мантель-Нечко. «Лидж Иясу, — пишут они, — получил хорошее образование, свободно владел французским и арабским языками. Это был способный и энергичный человек. Позднейшие сведения якобы об отсутствии у него способностей неверны. Это результат пропаганды, проводимой против императора эфиопской церковью за его промусульманские симпатии. Иное дело, что недостаток политического опыта и неумение применять соответствующую тактику для достижения намеченных целей — явления, понятные у человека в таком мо-

¹ Лидж — феодальный титул, означающий близость к императорской фамилии. В отечественной и зарубежной литературе «Лидж» употребляется обычно как часть имени этого императора.

лодом возрасте,— стали одной из основных причин поражения Лиджа Иясу» [3, с. 191]. Отмечая недюжинный ум и сильную волю Лиджа Иясу, А. Кохановский (врач, проработавший несколько лет в российской миссии в Аддис-Абебе) еще в 1913 г. предупреждал: «Иясу, вероятно, придется выдержать сильную борьбу и проявить много энергии, чтобы не испытать судьбы Дмитрия Самозванца» [6, с. 330]. Советский исследователь И. Левин назвал Иясу даровитым внуком Менелика II [7, с. 64]. В 1976 г. советские историки Ю. М. Кобищанов и М. В. Райт в совместно написанном предисловии к переводной книге А. Бартницкого и И. Мантель-Нечко подчеркивали, что Иясу был одним из главных сторонников прогрессивных преобразований в стране [4, с. 22]. В докладе, прочитанном в мае 1978 г. на упоминавшемся выше симпозиуме в Ленинграде, Ю. М. Кобищанов четко сформулировал свою оценку деятельности Лиджа Иясу. По его мнению, этот эфиопский монарх был прогрессивным правителем; был свергнут в результате заговора, организованного Англией, Францией и Италией; обвинения, выдвигавшиеся против него буржуазной и официальной эфиопской (при Хайле Селассие I) историографией,— клевета. Подобную же точку зрения Ю. М. Кобищанов высказал также в лекции «Лидж Иясу и прогрессивные традиции в Эфиопии», прочитанной 25 января 1978 г. в Аддис-Абебском университете (см. также [5а, с. 79—81]).

Таким образом, мы имеем полярные взгляды на деятельность Иясу. Можно лишь согласиться без каких-либо оговорок с тем, что обвинения, выдвигавшиеся в адрес Иясу,— клевета.

Анализ истории Эфиопии трех лет царствования Иясу свидетельствует о сложности и противоречивости проводимой им политики, а также о вмешательстве западноевропейских государств во внутренние дела Эфиопской империи. Остановимся на основных исторических событиях тех лет, рассмотрение которых позволяет воссоздать политическую ситуацию в Эфиопии в 1913—1916 гг., расставить правильные, с нашей точки зрения, акценты при оценке прошлого страны.

Внутриполитическая борьба в Эфиопии в 900-е годы, полная драматизма, завершилась восшествием на престол Иясу. Это означало, как казалось, дальнейшее укрепление позиций шоанских и южноэфиопских феодалов и одновременно ослабление политического и экономического влияния феодалов севера. Вскоре, однако, выяснилось, что новый император стремился действовать как общегосударственный руководитель, в связи с чем он пытался подорвать политическую гегемонию шоанских и южноэфиопских феодалов, освободиться от чрезмерной зависимости от них, изменить расстановку социально-политических сил, сделав ставку на расширение связей с мусульманами страны, составлявшими около 50% ее населения и контролировавшими важные сферы хозяйства (особенно внутреннюю торговлю). Подобный оборот дела в начале nastорожил, а затем резко восстановил против Иясу многих могущественнейших феодалов Шоа и юга, причем даже тех, кто

поддерживал лиджа в тот момент, когда при дворе имели место острые распри по поводу кандидатуры преемника Менелика II.

Уже в 1914 г. обострились отношения Иясу с абуней Маттеосом, и особенно после того, как рас Микаель, отец Иясу, стал негусом, получив в свое управление всю северную часть Эфиопской империи. Дело в том, что Микаеля короновал негусом абун Петрос, обосновавшийся в Тигре с самого начала своего пребывания в Эфиопии² и считавшийся при императоре Йоханнесе IV (1872—1889) главой Эфиопской церкви: в связи с перемещением центра государства при Менелике II в Шоа руководителем всей церкви признавался абун Маттеос, всецело поддерживавший императора и пользовавшийся высоким авторитетом среди шоанско-южноэфиопских феодалов. Взаимозависимость объединила впоследствии Маттеоса и знать Шоа и юга страны в вопросе о низложении Иясу. В условиях, когда абун Петрос все активнее поддерживал Иясу и негуса Микаеля, надеясь тем самым восстановить свою прежнюю позицию в Эфиопской церкви, абун Маттеос, опасавшийся (а вместе с ним церковно- и священнослужители, делавшие на него ставку) лишиться своей ведущей роли в церкви и ориентировавшийся на шоанско-южноэфиопскую знать, и все меньше поддерживал императора. Вряд ли поэтому правы А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко, утверждающие, что именно события 8 февраля 1913 г. в Аддис-Абебе (т. е. те, что произошли за несколько месяцев до смерти Менелика II и были связаны с нарушением Иясу права убежища в резиденции Маттеоса, которое было предоставлено абуней фитаурари Гэбрэ Марьяму) означали для лиджа потерю поддержки Маттеоса³ [3, с. 190].

Деятельность и надежды абуней Петроса, а также тех церковно- и священнослужителей, кто рассчитывал на него, свидетельствуют о противоположных мнениях относительно Иясу, которые

² Эфиопская церковь с самого своего возникновения (IV в. н. э.) выступала в качестве епархии Александрийской (коптской) церкви, которая назначала в Эфиопию епископом (абуней) копта-египтянина, притом, как правило, одного. Эфиопские императоры и церковь не раз требовали от Александрийского патриарха не только увеличить число направляемых в Эфиопию епископов, но и предоставить одному из таких епископов право хиротонисать в епископский сан эфиопских священников. Йоханнесу IV удалось добиться от Александрийского патриарха назначения четырех епископов. К моменту описываемых событий в живых осталось двое — Петрос и Маттеос, со времени приезда в страну отпавлявший церковную службу в Шоа.

³ 8 февраля 1913 г. Иясу (возвратившийся в Аддис-Абебу из Дессе по поступлении слухов о смерти Менелика II) двинулся с войсками к императорскому дворцу с целью занять его. Стража под командованием фитаурари Гэбрэ Марьяма отказалась впустить Иясу как нового хозяина дворца на том основании, что о смерти Менелика II никто официально не объявлял. Ожесточенные бои продолжались несколько дней, и тогда вмешался абун Маттеос, принудив Гэбрэ Марьяма, которому была обещана личная неприкосновенность в резиденции Маттеоса, уступить. Однако Иясу, невзирая на существовавшие обычаи, ворвался в дом абуней, арестовал Гэбрэ Марьяма и сослал его в Годжам. В результате, как пишут польские ученые, «начался конфликт между Лиджем Иясу и Эфиопской церковью, отрицательные результаты которого для нового императора не замедлили сказаться» [3, с. 190].

существовали в Эфиопской церкви. Надо иметь в виду, что еще при менеликском дворе Иясу вообще располагал к себе многих. «Лидж Иясу,— писала принцесса крови Асфа Ильма, которую никак нельзя заподозрить в симпатиях к Иясу в силу ее исключительной апологетичности деятельности Хайле Селассие I,— был в то время фаворитом в придворных кругах. Высокий, хорошо сложенный юноша с бронзовым отливом на здоровом лице, он привлекал к себе своей простотой... хорошими манерами и прежде всего большими способностями в спортивных занятиях (бег, верховая езда, стрельба и метание копья, распространенные и популярные тогда в Эфиопии.— В. Я.)» [11, с. 115]. Разумеется, не столько личное обаяние наследника создало особую атмосферу расположенности к нему при дворе (хотя и сыграло, по-видимому, немаловажную роль), сколько выбор, сделанный в его пользу Менеликом II и поддержанный тогда влиятельными силами во дворце.

Лидж Иясу, еще будучи наследником, по-видимому, не только очень заботился о сохранении своего престижа при дворе Менелика II, но и предпринимал меры с целью его укрепить. Следуя монархическим традициям Эфиопии, Иясу в 1912 г. предпринял военные походы в юго-западные земли, включенные Менеликом II в конце XIX в. в Эфиопскую империю в соответствии с политикой реконквисты (как она была определена эфиопскими учеными на V Международном конгрессе эфиопистов в Ницце в 1977 г.). Усмирив население Джиммы, Кэфы, Гимиры и Ануак, Иясу захватил 40 тыс. пленников и обратил их в рабов. Из них осталось в живых 20 тыс. (остальные умерли от оспы, дизентерии, голода и усталости во время похода), которыми Иясу распорядился следующим образом: раздал каждому солдату своей армии по одному-два раба, по 50—100 рабов наиболее отличившимся и важным военачальникам, большое число рабов было отдано церквям и монастырям [26, с. 108]. После юго-западных походов, как писал И. Ванин, первым из советских людей побывавший в Эфиопии, Иясу «решил по примеру Менелика II расширить свое поле деятельности, подчинив эфиопской короне мусульман данакиль, лишь номинально считавшихся до тех пор под эфиопским сюзеренитетом... Следуя во всем традициям своего предшественника,— продолжал И. Ванин,— молодой наследник захотел пустить в ход кроме силы оружия... также и дипломатическое искусство» [5, с. 538]. Подобные действия Иясу повышали его авторитет государственного деятеля в глазах подданных, особенно среди амхара, ибо традиция, освященная веками, предписывала монарху предпринимать военные походы, лично руководить войсками на поле боя и захватывать богатую добычу. Попутно заметим, что многие поступки Иясу, за которые позднее его осуждала эфиопская официальная историография при Хайле Селассие I (а вслед за ней и историография на Западе), находились в русле монарших традиций и потому тогда не вызывали негативного отношения.

В соответствии с теми же традициями Иясу, став императором, старался применить в системе государственного управления прием так называемого равновесия власти, заключавшийся в предоставлении соперничавшим крупным феодалам (или их группам) равных прерогатив власти и позволявший монарху тем самым лавировать между ними, ослабляя их позиции, добиваясь превосходства над ними и вассально зависевшими от них феодалами. Судя по всему, высшим проявлением «равновесия власти» при Иясу должно было стать возвышение политической роли мусульман в стране, ибо ставка на мусульман отнюдь не означала низведения христиан на вторые роли в государстве. За счет достижения равенства сил между мусульманами и христианами Иясу стремился осуществить многие политические цели, в том числе укрепление власти самого монарха.

Во внешнеполитическом курсе, проводимом Иясу, также прослеживается стремление, с одной стороны, расширить контакты с Турцией и ее союзниками — Германией и Австро-Венгрией (и тем возвысить политическую роль мусульман в стране), а с другой — избавиться от влияния Лондона, Парижа и Рима (и тем ослабить позиции могущественных феодалов-христиан и их вассалов, имевших широкие хозяйственные и политические связи с Англией, Францией и Италией). Разумеется, на внешнеполитической деятельности Иясу сказались и его антиимпериалистические взгляды и честолюбивые помыслы. Успеху такой политики способствовала в значительной степени международная обстановка, характеризовавшаяся острым соперничеством государств Антанты и Тройственного союза (от которого постепенно отходила Италия, пока в 1915 г. по секретному Лондонскому соглашению она полностью не перешла на сторону Антанты) за территориальный передел мира, приведшим к первой мировой войне.

Эфиопия стала ареной ожесточенной политической борьбы двух группировок европейских держав. Иясу не замедлил воспользоваться сложившейся ситуацией, упрочив связи с Германией и ее союзниками — Турцией и Австро-Венгрией, так как видел в них реальную силу, противостоящую Англии, Франции и Италии. Он фактически продолжил начатый уже покойным тогда императором внешнеполитический курс, придав ему новые аспекты.

До поры до времени эфиопский двор стремился скрыть свою позицию в отношении воюющих стран. Еще в марте 1915 г. в связи с отказом Италии разрешить германской миссии во главе с Лео Фробениусом проезд по территории Эритреи в Аддис-Абебу британский посланник в Эфиопии Тезайджер писал в Лондон, что «трудно сказать, где находятся истинные симпатии [Эфиопии], но очевидно желание [Иясу] и его советников сохранить в тайне [эти симпатии] до тех пор, пока не станет ясно, кто одержит победу» [10а, с. 16].

В апреле 1915 г. Иясу посетил дипломатические миссии, аккредитованные в Аддис-Абебе, и обсуждал там ход и перспективы мировой войны, надеясь выяснить, какая из противоборствующих

сторон окажет поддержку Эфиопии в ее территориальных, административных, политических и экономических устремлениях. Судя по всему, дипломаты Германии, Турции и Австро-Венгрии в отличие от англо-франко-итальянских коллег заверили Иясу в том, что поддержат его планы.

Здесь следует вспомнить, что, когда началась мировая война, Турция усилила в Эфиопии панисламскую пропаганду. В стране также распространялись слухи, что Германия приняла мусульманство, почему и выступает на стороне мусульманских народов.

Еще в конце 1913 г. эфиопская сторона вела переговоры с Австро-Венгрией через ее консула в Аддис-Абебе Карла Швиммера о покупке артиллерийских орудий и боеприпасов. В марте 1914 г. специальная миссия, сопровождаемая К. Швиммером, прибыла в Вену, где была принята императором Францем-Иосифом. Эфиопы смогли получить у австрийского правительства 40 тыс. ф. ст. на приобретение 100 пушек, 200 тыс. снарядов и 50 тыс. винтовок. Предполагалось также на эти средства привлечь в Эфиопию одного генерала и шесть офицеров для инструктирования эфиопской армии. В середине мая того же года закупленное в Австрии военное снаряжение поступило в Эфиопию [18, с. 55—56], что не могло быть не замечено дипломатами Англии, Франции и Италии. Для них становилось ясно, что пополнение военного потенциала Эфиопии таким значительным количеством артиллерийского и стрелкового оружия делало реальными вторжение негуса Микаеля в Эритрею и изгнание оттуда итальянцев, сведениями о подготовке чего в феврале 1915 г. они располагали [13, с. 66].

Обладание новым военным потенциалом также делало для Эфиопии возможной реализацию планов помощи восставшим в Британском Сомалиленде под руководством Мухаммеда бен Абдаллы Хасана, прозванного англичанами «бешеным муллой». Более того, до дипломатов этих стран доходили слухи, что Германия и Турция якобы просили Иясу вторгнуться в Англо-Египетский Судан с пятидесятитысячной армией (за подобную акцию Иясу позднее был бы вознагражден передачей под его власть Джибути, который надеялись захватить страны австро-германского блока).

Вероятно, сведения о намерении Иясу освободить Эритрею из-под итальянского господства, вернув ее, таким образом, эфиопской короне, не были лишены оснований. В первой половине 1914 г. уже был прецедент, когда эфиопские войска во главе с расом Уольдэ Гийоргисом, преследуя мятежного дэджазмача Гэбрэ Селассие, укrywшегося в Эритрее, подошли к границе с этой итальянской колонией (бывшей еще совсем недавно частью Эфиопии) и лишь ждали приказа вступить на ее территорию. В мае они отошли, ибо в их рядах начались массовые заболевания из-за плохой питьевой воды в пограничной реке Мэрэб. Старожилы в Тигре и Хамасене рассказывают, что итальянцы специально отравили воду в реке, чтобы не допустить эфиопскую армию в

Эритрею. Эфиопский историк Тэкле Цадык Мэкурия, который поведал об этом, пишет, что неизвестно, достоверны ли подобные воспоминания [8, с. 106—107]. В официальном документе, подготовленном Форин офисом, утверждается, что в то время в Аддис-Абебе открыто говорили о готовящемся нападении на итальянцев в Эритрее. Р. Л. Хесс в статье «Италия и Африка: колониальные устремления в годы первой мировой войны», основанной на изучении четырехтомного секретного издания документов министерства иностранных дел Италии, приводит немало сведений о намерениях Эфиопии в отношении Эритреи [21]. В условиях, когда колониальные интересы Италии находились под угрозой, Рим предпринимал не раз попытки усилить свои позиции в Эфиопии. В частности, итальянцы дважды, в 1913 и 1915 гг., обращались (притом безуспешно) к Иясу с требованием предоставить концессию на строительство железной дороги Сэтит — Гондар, которая прочно привязала бы Северо-Западную Эфиопию к Эритрее [13, с. 60]. В Риме строили также планы установления в Эфиопии итальянского протектората.

Та же самая идея провозглашения протектората (но, разумеется, британского) над Эфиопией рассматривалась и в Англии [20, с. 62], где особенно были обеспокоены все расширявшимися контактами Иясу с сомалийскими повстанцами. В свою очередь, лидеры национально-освободительного движения сомалийцев в конце XIX — начале XX в. придавали большое значение связям с Эфиопией, ибо контакты стимулировали развитие антиколониальной борьбы в этом районе Африки. Прав Е. Р. Туртон, утверждая, что на сторону Мухаммеда бен Абдаллы Хасана люди, в том числе и с территории Эфиопии, шли скорее по политическим соображениям (т. е. в результате глубокого недовольства колонизаторами), чем по религиозным [27]. В этой же работе сообщается, что в 1909—1910 гг. среди восставших сомалийцев ходили слухи о заключении Мухаммедом бен Абдаллой Хасаном союза с эфиопами (известно также, что Иясу собирался жениться на одной из дочерей Мухаммеда бен Абдаллы Хасана). В 1915—1916 гг. участились случаи поставок оружия эфиопами восставшим сомалийцам [23, с. 272—273]. В августе 1916 г. дипломаты Англии, Франции и Италии широко обсуждали достоверность слухов о готовящемся совместном эфиопо-сомалийском наступлении на Харгейсу. В целях создания благоприятных условий в юго-восточных районах страны для развития связей с национально-освободительным движением в Британском Сомалиленде Иясу осуществил там ряд административных перестановок: например, назначил мусульманина Хасиба Идлиби нэгадрасом Харэра и Дыре-Дауа, изъяв тем самым поступления таможенных пошлин от дэджазмача Тафари Мэконнына и вассально зависевших от него феодалов в этих городах; в Харэре в новые полицейские отряды были набраны арабы, сомалийцы и галла, а отряды, состоявшие из амхара и подчинявшиеся Тафари Мэконныну, распущены; в августе 1916 г. после смещения Тафари Мэконнына с поста губернатора провин-

ция Харэр перешла под управление мусульманской администрации.

Еще весной 1916 г. в Англии, Франции и Италии окончательно пришли к выводу, что политика Иясу угрожает позициям этих стран на Ближнем Востоке и в Восточной Африке, тем более что к тому времени германские войска в восточной части континента под командованием генерала фон Леттов-Форбека нанесли ряд серьезных поражений британской армии. Американский историк Г. Маркус пишет, что в Лондоне, Париже и Риме твердо были убеждены в том, что «германская политика продолжала направлять эфиопский национализм против Эритреи (точнее, против итальянского господства в Эритрее.— В. Я.), а интересы турецкой политики сосредоточены... на мулле и сомалийских племенах» [23, с. 273].

В ориентации самого Иясу на Германию, Австро-Венгрию и Турцию сказались не только его приверженность внешнеполитическому курсу прежнего императора и уж, конечно, не особые промусульманские настроения нового монарха. Стремление расширить пределы своего государства и покончить раз и навсегда с англо-франко-итальянским присутствием на границах Эфиопии — вот мотивы, побудившие Иясу проводить политический курс, направленный на сближение со странами Тройственного союза, странами, которые сражались на полях войны с извечными врагами Эфиопии: Англией, Францией и Италией. Надо учитывать, что ни Германия, ни Турция и ни Австро-Венгрия не имели по соседству с Эфиопией колоний, и это в глазах Иясу выгодно отличало от англо-франко-итальянских колонизаторов. Наверняка на внешнюю политику Иясу повлияли и его честолюбивые мечты стать предводителем освободительной борьбы народов обширной территории Африки, а позднее стать главой крупного государства, тем более что есть сведения об обещании Турции и Германии в случае успеха в войне передать под власть Иясу за оказанную им помощь значительные районы на континенте. Нельзя забывать также, что для феодального государства, каким была Эфиопия, грабеж побежденных в войне — обычное средство пополнения государственной казны и существенный источник обогащения феодалов. Изгнание колонизаторов из окружающих Эфиопию территорий, таким образом, должно было по замыслам Иясу решить многие проблемы страны, что и предопределило в конечном счете его прогерманскую и протурецкую ориентацию. Он рассчитывал на помощь Тройственного союза в осуществлении своих грандиозных и честолюбивых планов возвышения Эфиопской империи на политической карте мира.

Расширение связей со странами Тройственного союза, в том числе закупка у них оружия, усиленное налаживание контактов с сомалийцами, восставшими в Британском Сомалиленде под предводительством Мухаммеда бен Абдаллы Хасана, предпринимаемая Иясу активизация мусульманских сил внутри Эфиопии, его намерение освободиться от присутствия на границах империи

Англии, Франции и Италии и стремление увеличить территорию страны за счет соседних районов — все это сильно обеспокоило англо-франко-итальянских колонизаторов, которые справедливо увидели в том, как развивались события в Эфиопии, угрозу их владениям и интересам в Северо-Восточной Африке. Активная поддержка Эфиопией освободительной борьбы мусульманских народов и даже предполагавшееся ее непосредственное участие в этой борьбе ухудшали позиции стран Антанты в первой мировой войне, подрывая безопасность их важнейших коммуникаций на Красном море и Суэцком канале. Кроме того, вполне вероятно, что развернувшаяся антиколониальная война на северо-востоке Африки могла перекинуться в Индию и другие страны Азии, а это уже очень беспокоило англичан и их союзников. По-видимому, Эфиопии при Иясу предстояло сыграть существенную роль в сопротивлении англо-франко-итальянским колонизаторам.

Согласно мнению Леонардо Мосли, мусульмане Судана, Британского, Итальянского и Французского Сомали и Эритреи надеялись, что Иясу освободит их от угнетателей, видя, кажется, в нем нового махди, в ожидании которого мусульманский мир многих районов Тропической Африки уже давно находился [25, с. 75]. Эти настроения умело подогревались Германией и Турцией, связанной со многими народами Северо-Восточной Африки общностью религии. Конечно, страны Тройственного союза преследовали собственные колониалистские цели, а отнюдь не заботились об интересах народов Северо-Восточной Африки в целом и Эфиопии в частности. Таким образом, Эфиопия в годы первой мировой войны стала страной, где переплелись колониальные устремления западноевропейских держав и где резко обозначились межимпериалистические противоречия.

Для установления еще более тесного сотрудничества с Турцией Иясу 12 мая 1916 г. через турецкого генерального консула в Харэре Идлиби передал властям Блистательной Порты свое пожелание заключить с нею договор о союзе. Но этого сделать не удалось: через несколько месяцев Иясу свергли с трона.

Неверно утверждать (как это часто делается во многих работах), что в правящих кругах страны только Иясу придерживался протурецкой и прогерманской позиции. Весной 1915 г. Тезайджер сообщал в Лондон, что среди министров Эфиопии сложились две группировки: одна, в состав которой входили битводдэд Хайле Гийоргис и военный министр фитаурари Хабтэ Гийоргис, выступала за тесные отношения с Англией, Францией и Италией, а другая, представленная министром иностранных дел Баргена, министром юстиции Теляхуном и др., отстаивала прогерманскую линию внешней политики страны [25, с. 81, 86]. Кроме того, часть придворных, надеясь на победу Германии, настаивала на решительном наступлении против итальянцев в Эритрее и освобождении этой территории. Многие влиятельные сановники, однако, неодобрительно относились к стремлению объявить войну Италии, всячески препятствовали реализации этого плана [23, с. 270]. Все

эти разногласия отражали определенный раскол в феодальном обществе в связи с резким изменением Иясу внешнеполитической ориентации. Дело в том, что в стране ко времени воцарения Иясу укоренились прежде всего экономические, торговые, политические и культурные связи с Англией, Францией и Италией, разрыв которых не сулил ничего хорошего для феодалов и нарождавшейся буржуазии, поддерживавших самые тесные контакты с этими странами. Успех прогерманской политики Иясу заставил бы феодалов и предпринимателей, связанных с Англией, Францией и Италией, уступить место тем, кто с недавних пор стал развивать отношения с державами Тройственного союза. Сторонники англо-франко-итальянской ориентации, опасавшиеся за свое будущее, составляли, таким образом, важную опору Лондона, Парижа и Рима в противодействии Германии и ее союзникам в Эфиопии.

В среде шоанско-южноэфиопской знати росло недовольство в связи с усилившимися к 1916 г. попытками Иясу ослабить ее позиции в стране. Многие крупные феодалы Шоа и юга лишились весьма доходных областей, которыми они управляли в течение нескольких лет (например, дэджазмача Балчу отозвали из Сидамо). На освободившиеся места в центральной и провинциальной администрации были назначены ближайшие сторонники Иясу, причем нередко мусульмане. Фитаурари Хабтэ Гийоргис, некогда поддерживавший Иясу, затаил обиду на него, поскольку с конца 1913 г. был заменен на посту председателя Совета министров (хотя и остался военным министром) битводдэдом Хайле Гийоргисом, родственником и доверенным лицом императора, имевшим, однако, с Иясу, как выяснилось позднее, разногласия по поводу внешнеполитического курса. С особым раздражением Хабтэ Гийоргис, как и большинство крупных, средних и мелкопоместных феодалов Шоа и юга, воспринял указ Иясу о выплате регулярного налога землевладельцами в южных районах, а также постановление о налогообложении земель и имущества в Аддис-Абебе. Не меньшее недовольство вызвал указ Иясу о введении налога в размере 1 талера Марии-Терезии за каждые четыре головы крупного рогатого скота. Причем Иясу не только декретировал эти фискальные законы, но и предпринял решительные меры по их осуществлению.

Линия Иясу на установление военно-политических связей с мусульманскими народами, населявшими пограничные с Эфиопией колонии, и на активизацию мусульман внутри страны вызвала тревогу Эфиопской церкви за господствующее положение христиан, подогревавшуюся дипломатами Англии, Франции и Италии.

Словом, в стране постепенно созревала сильная оппозиция режиму Иясу, которая вполне оформилась к концу лета 1916 г. Среди тех, кто был очень активен в разработке планов низложения Иясу, наибольшим влиянием пользовались дэджазмач Тафари Мэконнын, рас Касса Хайлю, баджиронд Тэкле Хавариат, кэнтиба Габру и нэгадрас Гэбрэ Хыйвот Бэйкеданы.

Американский публицист и историк Томас Коффей полагает,

что среди заговорщиков самым влиятельным был дэджазмач Тафари Мэконнын [14, с. 12], которому в августе 1916 г. его вассалы предложили арестовать находившегося в Харэре Иясу, с тем чтобы он мог объявить себя императором [23, с. 275]. Кстати сказать, что еще в 1914 г. Тафари Мэконнын обнаружил намерения низложить Иясу; тогда его готовы были поддержать младшие по положению придворные. «Но в то время,— пишет Г. Маркус,— Тафари еще не был в состоянии открыто бросить вызов Иясу» [23, с. 268]. В августе 1916 г. Тафари отклонил предложение своих вассалов, ибо «проводил время в Аддис-Абебе, являя собой центр, вокруг которого могла формироваться оппозиция Иясу» [23, с. 275].

Р. Гринфилд считает, однако, что выдающуюся роль в организации заговора против Иясу сыграл рас Уольдэ Гийоргис [19, с. 106]. Этой же точки зрения, по существу, придерживаются А. Бартницкий и И. Мانتель-Нечко [3, с. 168]. В литературе имеются также сведения о том, что немало влиятельных сановников предлагали Уольдэ Гийоргису свергнуть Иясу и самому стать императором [23, т. 2, с. 70]. Однако эфиопский историк Байру Тэфля предполагает, что рас находился в стороне от заговора 1916 г. против Иясу [12, с. 52]. Более того, британскому дипломату, Леланду Бакстону, присутствовавшему в 1917 г. на церемонии коронации Заудиту (см. ниже), рас Уольдэ Гийоргис казался недовольным сложившейся в стране ситуацией [12, с. 53]. Если допустить, что мнение Байру Тэфля верно, то это еще в большей степени убеждает в наличии даже среди шоанской и южноэфиопской знати положительной оценки деятельности Иясу.

Объективно получалось, что желания антиимператорской группировки и англо-франко-итальянских колонизаторов устранить Иясу совпали. Найдя опору в лице части правящих кругов Эфиопии, Лондон, Париж и Рим встали на путь активного участия в организации заговора против Иясу.

Англичане и их колониальные союзники ловко разжигали профессиональный раздор в стране, обвиняя не раз императора в приверженности исламу и отступничестве от христианства. Показательна в этом отношении телеграмма Тезайджера Форин офису от 20 мая 1916 г. В ней предлагалось английскому правительству в удобный момент официально объявить Иясу мусульманином и потребовать, чтобы в стране провозгласили нового императора [25, с. 88].

В конце мая 1916 г. дипломаты Англии, Франции и Италии, аккредитованные в Аддис-Абебе, направили Иясу совместную ноту, в которой предъявлялось ему четыре требования: 1) вернуть британским властям в Сомали пулемет, захваченный повстанцами «бешеного муллы»; 2) отказаться принимать в дальнейшем делегации сомалийских племен; 3) снять с поста губернатора Огадена Абдуллая Садека, харэрского араба, который, по мнению англичан, был агентом Турции; 4) реорганизовать полностью муниципальные органы власти в Дыре-Дауа и уволить с

государственной службы там всех турок и протурецки настроенных арабов [25, с. 88]. Иясу никак не прореагировал на этот совместный англо-франко-итальянский демарш. Пообещав дать 1 августа 1916 г. аудиенцию Тезайджеру для обсуждения содержания ноты, Иясу неожиданно для всех 28 июля тайно покинул Аддис-Абебу. Позднее выяснилось, что он направился в Джиджигу, в расположение своих войск, неподалеку от границы с Британским Сомали.

К тому времени англичане, французы и итальянцы, действуя совместно, создали благоприятную почву в Аддис-Абебе для антиимператорского выступления христианского духовенства, шоанских и южноэфиопских феодалов, обеспокоенных растущими слухами о предстоящей исламизации Эфиопии.

Британская секретная служба летом 1916 г. усиленно работала среди бедняков-христиан, вызывая в них негодование по поводу якобы имевших место промусульманских связей Иясу. В литературе имеется сообщение о том, что в конце августа 1916 г. Эфиопию посетил известный английский разведчик полковник Т. Е. Лоуренс, «прославившийся» своей подрывной деятельностью на Ближнем и Среднем Востоке. Как пишет Л. Фараго, его визит, вероятно, ускорил падение Иясу [16, с. 61]. При участии Лоуренса были сделаны сотни тысяч листовок с портретом Иясу, одетого в мусульманскую одежду, в окружении шейхов. В стране получили широкое хождение слухи, что Иясу составил себе генеалогию, берущую начало от пророка Мухаммеда, что император неоднократно повторял традиционную формулу Корана «нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его», что он молился в мечетях и т. д. Сам Иясу подавал немало поводов для подобных утверждений: ведь его действительно часто можно было видеть в кругу мусульманских лидеров, он участвовал во время церемоний открытия мечетей, раздавал мечетям землю, передавал мусульманам оружие, в его свите постоянно присутствовали мусульмане — арабы, данакильцы, галла, сомалийцы и т. д. Все это возымело свое действие, вызвав сильное негодование в среде христианского населения, привыкшего видеть в своем монархе стойкого христианина и защитника их религии перед иноверцами.

В книге Леонарда Мосли приводится немало сведений, подтверждающих наличие связей между представителями антиимператорской группировки и англо-франко-итальянскими дипломатами. Последние не ограничивались только распространением пропагандистских материалов и слухов об исламофильстве Иясу, а также установлением тесных контактов с его противниками и передачей им денег и оружия. Отказ от поставок оружия Иясу, препятствия, чинимые при снабжении его германским оружием, демонстрация военной мощи посредством передвижения войск к границе с Эфиопией — вот те методы, к которым прибегли Англия, Франция и Италия в целях ослабления позиций Иясу и организации в стране обстановки неуверенности. В такой ситуации легче было осуществить главное: отстранить от власти Иясу.

В своей автобиографии Хайле Селассие I, по существу, признал факт участия Италии в заговоре против Иясу. «В 1916 г., когда Иясу был низложен,—напоминал император, критикуя итальянцев за значительные усилия в организации бегства Иясу в 1932 г. из заточения в Фыче,—итальянцы были в оппозиции к нему, о чем говорили нам не раз» [10, с. 206].

Первая попытка низложить монарха была предпринята 30 августа 1916 г. Тезайджер в тот день в шифровке Форин офису не без скрытого удовольствия сообщал, что «началось движение среди шоанских вождей, чтобы свергнуть Лиджа Иясу» [25, с. 91]. Но тогда все обошлось для Иясу благополучно.

Слустья почти месяц антиимператорская группировка, введя верные войска в Аддис-Абебу, вновь приступила к реализации своих планов, о чем сообщено было дипломатам Англии и Италии. 27 сентября в банкетном зале дворца Иясу, который с 28 июля отсутствовал в Аддис-Абебе, собрались министры, крупные шоанские и южноэфиопские феодалы, абуна, ычэге, причем многие из них, как полагают, не знали о цели предстоящего заседания. После непродолжительной перестрелки между сторонниками и противниками императора, в ходе которой было убито или ранено более 100 человек, организаторы заговора, поддержанные абуной, сообщили, что Иясу свергнут и что монархом Эфиопии провозглашается Заудиту⁴, старшая дочь Менелика II, а регентом и престолонаследником — Тафари Мэконнын⁵, получивший титул раса.

Выдвижение Тафари Мэконнына было обусловлено отчасти его принадлежностью к шоанской ветви Соломонидов и родством с покойным Менеликом II, но прежде всего в результате его личного и очень активного участия в свержении Иясу. На протяжении многих лет, еще с тех пор, как Иясу стал наследником, Тафари предпринимал, судя по всему, немало усилий, чтобы вначале ослабить Иясу, а затем устранить его от власти.

В этом он, кстати, вольно или невольно признается сам в своей автобиографии (опубликованной на английском языке в 1976 г.), хотя и пытается показать якобы свою непричастность к заговору [10, с. 43—50]. Особое недовольство раса Тафари Мэконнына вызвало решение Иясу (в августе 1916 г.) отстранить

⁴ Заудиту первоначально не пользовалась сколько-нибудь заметным влиянием в правящих кругах Эфиопии. Судя по всему, в 1916 г. она даже не была в курсе дел и намерений заговорщиков, не говоря уже о том, чтобы принять участие в государственном перевороте. Заудиту находилась по приказу Иясу под надзором в Фале, неподалеку от Аддис-Абебы. Только на четвертый день после низложения Иясу ее доставили в столицу.

⁵ В 1974 г. после низложения Хайле Селассие в газетах и по радио Эфиопии в целях его дискредитации не раз высказывалась мысль об узурпации им в 1916 г. власти. К антиимператорской кампании были подключены даже оставшиеся в живых сыновья Иясу — Йоханннс и Менелик, прошедшие почти 30 лет под домашним арестом в Аддис-Абебе. Так, в сообщении, переданном 1 декабря 1974 г. по радио, они обвинили Хайле Селассие в преднамеренной клевете на их отца, чтобы захватить трон. В интервью Менелика Иясу, опубликованном 30 октября 1974 г. газетой «Эфиопиэн Гералд», осуждались монархический режим и лично Хайле Селассие.

его от должности губернатора в провинции Харэр, приносившей ему огромный доход и имевшей стратегически важное военное и политическое значение в системе эфиопского государства в то время. П. Джилкс предполагает, что этот шаг Иясу вообще является «ключевым фактором» в окончательном осознании шоанской знатью той угрозы, которая нависла над их властью и положением в результате деятельности Иясу [7, с. 12].

Иясу, находившийся в Харэре, узнал о событиях в Аддис-Абебе в тот же день из перехваченной телеграммы, посланной расом Тафари своему двоюродному брату кэньязмачу Имру, в которой тому предписывалось арестовать низложенного императора. Иясу прежде всего приказал перерезать телеграфную линию, связывающую Харэр с Аддис-Абебой. Затем он разослал солдат за всеми харэрскими священниками, повелев последним собраться на городской площади. Те повиновались. На площади Иясу обратился к ним с просьбой поклясться, что они отлучат от церкви любого, кто окажется неверным ему. Священники исполнили пожелание императора. Затем Иясу, встав на колени, принял из рук харэрского епископа крест и Библию и стал иступленно целовать эти священные христианские реликвии, приговаривая, что всегда был и останется истинным христианином.

Вечером того же дня Иясу отправил одного из своих приближенных к британскому консулу в Харэре майору Додду со специальным поручением. Иясу просил Додда передать в Лондон его особое послание, в котором он предлагал англичанам поставить Эфиопию под защиту британских войск, т. е. фактически ввести в стране систему английского протектората. Удивившись столь неожиданным обороту дела, Додд пожелал лично переговорить с императором. На следующий день беседа состоялась. В ходе ее Иясу вновь повторил свое предложение. Додд, видимо, поняв, что это была своего рода уловка, маневр со стороны Иясу, оставил, по существу, его просьбу без ответа. «Если предложение (Иясу.— В. Я.) — правда,— пишет Р. Гринфилд,— то оно представляло собой только попытку оконфузить Форин офис для того, чтобы выиграть время и чтобы сорвать любые меры, которые Великобритания предприняла бы путем использования военной силы или отправки боеприпасов и оружия в поддержку своего дипломатического вмешательства (в дела Эфиопии.— В. Я.)» [19, с. 139]. В том, что Иясу сразу обратился к британскому консулу, нет ничего удивительного, ибо он хорошо был осведомлен о происках англичан и их союзников против него и его политики. Он попытался славировать в создавшейся обстановке, но безуспешно.

Для задержания свергнутого государя из Аддис-Абебы спешно направили в Харэр войска под командованием дэджазмача Балча. 1 октября при их приближении Иясу с горсткой всадников покинул город и направился сначала в Дыре-Дауа, затем в Ауссу, а оттуда двинулся на соединение с армией своего отца негуса Микаеля.

Негус Микаель, узнав о перевороте в Аддис-Абебе, действо-

вал решительно. Возглавив восьмитысячный хорошо вооруженный отряд, он двинулся на столицу. 17 октября 1916 г. под Анкобером, в Торо Мэск, произошло его первое сражение с посланными из Аддис-Абебы войсками раса Люль Сэгэда; оно закончилось полным разгромом последнего. Успех Микаеля вызвал переполох в Аддис-Абебе, особенно среди иностранных дипломатов. И здесь негус допустил тактическую ошибку, приостановив в ожидании сына продвижение своих сил. А из Аддис-Абебы ему навстречу уже вышел десяти тысячный отряд под командованием военного министра фитаурари Хабтэ Гийоргиса. Одновременно с отправкой этих войск у Франции были запрошены пулеметы. Париж ответил согласием. Тогда же рас Тафари вступил в тайные переговоры с номинальными и фактическими сторонниками Микаеля: с расом Дэмысеу, женой которого была дочь Микаеля, с расом Сеюмом, тоже зятем Микаеля, расом Хайлю, а также с расом Уольдэ Гийоргисом. Нейтрализовав этих могущественных феодалов и получив обещанные Францией пулеметы, Тафари Мэконнын поспешил на помощь своему военному министру. Решающая битва, продолжавшаяся пять часов, между новым режимом в Аддис-Абебе и Микаелем произошла 27 октября в Сэгэле, около Дэбрэ Бырхана. Она закончилась поражением отца Иясу. Несмотря на отчаянную храбрость, Микаель и многие из его видных военачальников были пленены. В честь этой победы в Аддис-Абебе 2 ноября устроили парад победителей. Мимо трибун, где на специально отведенных местах находились императрица Заудиту, министры и иностранные дипломаты, многие крупные феодалы страны, торжественным строем промаршировали конница раса Тафари Мэконнына, армия фитаурари Хабтэ Гийоргиса, войска раса Кассы и воины других феодалов. В колонне победителей шел (что согласно традиции уже само по себе было неслыханным унижением) прикованный цепью к руке кэньязмача Имру негус Микаель⁶. А в это время его внучка Мэнэн, ставшая в свое время по воле Иясу женой раса Тафари Мэконнына, находилась среди знати, окружавшей императрицу Заудиту.

Новый режим в Аддис-Абебе выстоял. Многие исследователи сходятся на мысли о том, что поражение негуса Микаеля и его пленение означали конец царствования Иясу и вместе с тем упреждение позиций императрицы Заудиту и регента. Это утверждение вполне правомерно, ибо все или, точнее, почти все влиятельные и могущественные феодалы оказались на стороне новых правителей Эфиопии. Тем не менее Иясу продолжал возбуждать в Аддис-Абебе заметные опасения.

Уже сразу после коронации Заудиту, состоявшейся 11 февраля 1917 г., стало известно, что Иясу предложил Заудиту сместить раса Тафари Мэконнына, обвинив его в стремлении отдать страну в руки англичан, и вдвоем управлять страной [11, с. 132—133].

⁶ Негус Микаель скончался в 1918 г. на одном из островов оз. Звай, куда его сослали.

Регент, узнав о контактах во дворце с низложенным императором, решительно пресек попытки тайного сговора Иясу с Заудиту. «Едва завершилась коронация [Заудиту],— писал Тезайджер,— как восстали провинции Семиен, Улкаит, Уоджу и Уоган. Мусульмане Уолло... атаквали Дессе и, хотя были разбиты, продолжали вторгаться в Арусси. Мусульманские и языческие племена от Пинора до Доло восстали, и имеются волнения в Тигре» [25, с. 114]. Направляя войска на подавление этих вооруженных выступлений, новые власти в Аддис-Абебе сосредоточивали свои главные силы против Иясу, укрывшегося в Уолло, во владениях отца, и набиравшего быстрыми темпами многочисленную армию. Его постоянно преследовали войска под началом фитаурари Хабтэ Гийоргиса и раса Аббатэ, к которым примкнули вооруженные отряды раса Дэмысеу, дэджазмача Кэббэдэ и дэджазмача Уольдэ Цадька. В конце августа 1917 г. в долине между Дессе и Анкобером сошлись две армии: армия Иясу и армия новых властей Аддис-Абебы, получившая от англичан и французов пушки и станковые пулеметы⁷. В сражении первая была побеждена, но Иясу с немногочисленным отрядом преданных ему людей вновь ушел от победителей, прибыв в Магдалу. После того как рас Аббатэ подверг артиллерийской бомбардировке крепостные сооружения этого города, Иясу и его ближайшие сторонники с большим трудом вырвались из осажденной Магдалы и скрылись в просторах Данакильской пустыни. Свергнутый император нашел кров у данакильцев. На несколько лет он устранился от борьбы за возвращение трона.

В отдельных же районах страны еще некоторое время не прекращались волнения, вызванные недовольством определенных слоев населения свержением Иясу. Очень быстро были подавлены зарождавшиеся восстания в населенных мусульманами областях Джимма и Гураге, где фитаурари Хабтэ Гийоргис публично покарал зачинщиков, повесив даже двух мулл. В западной части страны мусульманские правители, подозреваемые в связях с Германией, оказались брошенными в тюрьму [25, с. 97]. Одно из наиболее серьезных выступлений произошло в Тигре, где младший сын раса Сеюма дэджазмач Касса, губернатор Аксума, Адуа и Шире, отказался признать власть императрицы Заудиту, считая ее узурпатором трона. После непродолжительного сопротивления юный потомок Йоханнуса IV сдался, но был убит, когда пытался тайно пробраться в Тигре, бежав из места заточения под Аддис-Абебой.

Подобные выступления имели локальный, разрозненный характер и потому легко подавлялись правительственными войсками. Сохранила ли бы Эфиопия свою независимость в случае всеобщей гражданской войны — трудно сказать. Одно вполне очевидно, что Англия, Франция и Италия, дела которых на фронтах первой

⁷ Рас Тафари Мэконнин просил также английское правительство через Тезайджера прислать два самолета с экипажами для бомбардировки позиций Иясу, но получил отказ [25, с. 118—119].

мировой войны 1917 г. пошли к лучшему, не остались бы в стороне, тем более что новые власти Аддис-Абебы ориентировались на Лондон, Париж и Рим, искали и находили там помощь в вооружении своих войск, а также морально-политическую и дипломатическую поддержку. По мнению Тезайджера, рас Тафари Мэконнн «был не только единственной реальной силой в стране» в 1917 г., «но и стойким другом Британии» [25, с. 115].

О дальнейшей судьбе Иясу мало что известно. События, касающиеся Иясу в 20-е—30-е годы, выходят за рамки настоящей статьи. Вот почему мы ограничимся только констатацией основных вех жизни низложенного монарха в эти годы.

В 1921 г. Иясу, покинув приютивших его данакильцев, появился в Тигре, рассчитывая, видимо, на покровительство родной сестры Тоабэч, бывшей замужем за расом Сеюмом. Иясу нашел приют в одном из монастырей Тигре, но его там схватили люди раса Гугсы Арая, который выдал его властям в Аддис-Абебе [8, с. 114]. И. Левин предполагает, что «появление Иясу в Тигре было, по-видимому, связано с итальянскими планами, пытавшимися противопоставить его Тафари Мэконнну как стороннику французской ориентации и получить от Лиджа Иясу признание итальянских притязаний в Абиссинии... Однако,— продолжает далее тот же автор,— эта ставка была бита... Тем самым был завершен один из важнейших этапов внутренней борьбы в Абиссинии» [7, с. 67]. Согласно версии, приведенной Л. Мосли, Иясу был схвачен самими же данакильскими вождями и передан ими центральному правительству в обмен на отмену недоимок по выплате налогов и мирный договор [25, с. 127]. По распоряжению раса Тафари Мэконнна бывшего монарха отправили в Фыче под надзор раса Кассы, родственника и ближайшего сторонника регента. В 1932 г. рас Хайлю организовал заговор против императора Хайле Селассие, сделав ставку на освобождение Иясу⁸. Бывший император, удачно ускользнув из-под стражи, был, однако, вскоре схвачен и помещен в строго охраняемый дом на окраине Харэра под присмотр верных вассалов Хайле Селассие. В 1935 г. при таинственных обстоятельствах он скончался (подробнее см. [31]).

Так закончилась жизнь избранника Менелика II, который процарствовал неполных три года, ведя борьбу против господства в стране шоанско-южноэфиопских феодалов и англо-франко-итальянских колонизаторов, за сплочение государства на общенациональной основе, за укрепление его позиций на политической карте мира. Являясь одним из главных сторонников прогрессивного раз-

⁸ Расчет раса Хайлю на Иясу был не случаен. Имя низложенного монарха еще было памятно многим в стране, особенно в районах, удаленных от Шоа. Эфиопская знать и ее вассалы также не забыли Иясу, а часть из них по-прежнему, видимо, благосклонно относилась к узнику в Фыче. Любопытно одно сообщение итальянского консула в Дессе о том, что, когда в 1931 г. в этот город прибыл старший сын Хайле Селассие наследный принц Асфа Уосэн, назначенный в Уолло генерал-губернатором, народ, вышедший ему навстречу, приветствовал его криками «сын нашего императора Иясу» [11, с. 278].

вития Эфиопии, он тем не менее как монарх не стал центром притяжения, центром объединения всех передовых сил страны. Здесь уместно напомнить слова Ф. Энгельса о том, что в период разложения феодализма «все революционные элементы, которые образовывались над поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним» [1, с. 411].

Кроме того, опора Иясу в противодействии Англии, Франции и Италии на Германию и ее союзников таила в себе немало трудностей в последовательном проведении антиимпериалистического курса.

Словом, однозначной оценки деятельности Иясу быть не может. Предстоит еще немало сделать, чтобы составить научно объективную картину политической истории Эфиопии в царствование Иясу. При этом важно учитывать, что, как писал В. И. Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно со своими предшественниками» [2, с. 178].

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
2. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты.— Полное собрание сочинений. Т. 2.
3. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. Некоторые вопросы политической истории Эфиопии на рубеже XIX—XX вв.— История, социология, культура народов Африки. Статьи польских ученых. М., 1974.
4. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М., 1976.
5. В анн И. Абиссиния.— «Новый Восток». М., 1922, № 2.
- 5а. Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям. М., 1979.
6. Кохановский А. Абиссиния (Доклад министру иностранных дел С. Сазонову 1 июня 1913 г.).— «Новый Восток». 1922, кн. 1.
7. Левин И. Современная Абиссиния. Социальные сдвиги и политические формы. М.—Л., 1936.
8. Тэкле Цадык Мэкурия. От императора Теодроса до Хайле Селассие. Аддис-Абеба, 1946 (по эфиоп. летосчис. На амхар. яз.).
9. Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
10. The Autobiography of Emperor Haile Selassie I. My Life and Ethiopia's Progress 1892—1937. Ох., 1976.
- 10а. Alemu Eshete. European Political Adventurers in Ethiopia at the Turn of the 20th Century.— «Journal of Ethiopian Studies». Addis Ababa, 1974, vol. XII, № 1.
11. Asfa Yilm a. Haile Selassie Emperor of Ethiopia. L., 1935.
12. Bairu Tafla. Two of the Last Provincial Kings of Ethiopia.— «Journal of Ethiopian Studies». 1973, vol. XI, № 1.
13. Baravelli G. C. The Last Stronghold of Slavery. What Abyssinia Is. Roma.
14. Coffey T. M. Lion by the Tail. The Story of the Italian-Ethiopian War. L., 1974.
15. «Ethiopia Mirror». Addis Ababa, 1967, vol. VI, № 2.
16. Farago L. Abussinia on the Eve. L., 1935.
17. Gilkes P. The Dying Lion. Feudalism and Modernization in Ethiopia. L., 1975.

18. Great Britain. Foreign Office. Historical Section: Abissinia. L., 1920.
19. Greenfield R. Ethiopia. A New Political History. L., 1965.
20. Hess R. L. Ethiopia. The Modernization of Autocracy. Ithaca — London, 1970.
21. Hess R. L. Italy and Africa: colonial Ambitions in the First World War.— «Journal of African History». L., 1963, vol. IV, № 1.
22. Jones A. H. M. and Monroe E. A History of Ethiopia. Ox., 1955.
23. Marcus H. G. The Life and Times of Menelik II. Ethiopia 1844—1913. Ox., 1975.
24. M é r a b P. Impressions d'Ethiopie. Vol. III. P., 1922.
25. Mosley L. Haile Selassie The Conquering Lion. L., 1964.
26. Pankhurst R. Economic History of Ethiopia. 1800—1935. Addis Ababa, 1968.
27. Turton E. R. The Impact of Abdille Hassan in the East-Africa Protectorate.— «Journal of African History». L., 1969, vol. X, № 4.